

Утверждаю

Проректор по научной работе
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

доктор юридических наук, профессор
В.И. Ситюков

«24» _____ 2017 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Глеры Сулеймановны Досаевой на тему «Уголовно-правовой институт множественности преступлений», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

На протяжении по крайней мере двух последних веков ученые спорят о многих аспектах множественности преступлений, высказывая при этом диаметрально противоположные мнения: от фактического отсутствия этого явления как такового до законодательного расширения его видов; от признания субинститутом наказания до констатации самостоятельного комплексного характера и т.д. До сих пор нет единства даже в том, когда и в каком качестве впервые появилась множественность в российском законодательстве. Пожалуй, первый (до него более или менее подробно упоминает о ней, например, О. Горегляд) и несомненно крупнейший исследователь множественности («повторения преступлений») Н.С. Таганцев вначале находил рассматриваемый институт в Русской правде, однако позднее изменил свою позицию, полагая, что впервые положение о множественности встречается в Двинской уставной грамоте 1397 г как обстоятельство, отягчающее наказание. Многие криминалисты, в том числе и современные, основываясь на данном утверждении, также стали вести отсчет рассматриваемого института с указанной

Грамоты (несмотря на то, что она имеет локальный характер); более того, считают, что в Двинской уставной грамоте закреплён рецидив преступлений, хотя, на наш взгляд, такой вывод достаточно условен.

В настоящее время дискуссии, как уже говорилось, не завершены и ведутся, пожалуй, по базовым, основополагающим проблемам: о правовой природе множественности, социальных основаниях ее выделения, институционализации, видах, социальном и уголовно-правовом значении, общественной опасности множественности и общественной опасности лица, совершившего несколько преступлений, и др.

Таким образом, с уверенностью можно констатировать: *актуальность* темы диссертационного исследования не вызывает сомнений, обуславливается рядом причин, в том числе необходимостью выработки единого подхода к трактовке как самой множественности преступлений, так и социально обусловленной, научно обоснованной концепции ее наказуемости.

Теоретическая значимость работы безусловна. Об этом свидетельствует попытка автора не только рассмотреть наиболее значимые доктринальные и законодательные аспекты множественности преступлений, но и выработать по ним оригинальную авторскую позицию (которая, здесь же следует заметить, не всегда разделяется ведущей организацией), углубить представления о многих гранях повторения преступлений и личности виновного, перспективах существования и развития рассматриваемого института, представить его законодательную модель (проект изменений в Уголовный кодекс РФ).

Практическая значимость объясняется многими обстоятельствами, в первую очередь вызванными правоприменительной практикой: проблемами квалификации множественности преступлений и назначения наказания при наличии совокупности и рецидива, определения режима отбывания наказания; одним словом, вопросами применения средств уголовного права, в рациональном воздействии на лиц, совершивших несколько преступлений.

Обоснованность и достоверность полученных результатов в целом достигнута выбранными методологией и методикой исследования, нормативной и эмпирической базой, его теоретической основой, комплексным характером примененных методов и приемов научного анализа проблем права вообще и уголовного права в частности, соответствующих сущности и содержанию изучаемых явлений и процессов, отвечающих поставленным целям и задачам, обобщением судебной практики, в своей совокупности позволившими в основном обеспечить непротиворечивость исходных научных положений. Кроме того, необходимая полнота, объективность исследования, корректность авторских интерпретаций достигнуты репрезентативностью осуществленной выборки судебной практики (350 уголовных дел, рассмотренных судами Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев; материалы экспертного опроса 270 чел.; итоги обобщения судебной практики, обзоры и т.д. за 1997–2015 гг.), что в целом соответствует требованиям, предъявляемым к уголовно-правовым исследованиям.

Следует отметить некорректность признания *эмпирическим*, т.е. основанным на опыте, изучении фактов, опирающимся на непосредственное наблюдение, эксперимент (см.. Словарь иностранных слов, Современную энциклопедию и т.д.), материалы исторических памятников, научных дискуссий и т.д. (стр. 8 дис.)

Согласно приказу Минобрнауки России от 9 декабря 2014 г. № 1560 «О внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 января 2014 г. № 7 *объект и предмет* исследования не являются структурными элементами введения к диссертации, поэтому их отражение в работе не оценивается.

Цель диссертации, по мнению автора, «состоит в *аргументации* (курсив наш. – А.Ч.) логически цельной концепции уголовно-правового института множественности преступлений...». Если исходить из указанного, то диссер-

тант ограничивает цель исследования одним: подтверждением правильности, обоснованием уже существующей (кем-то разработанной?) концепции множественности (см. значение слова «аргументировать»), хотя на самом деле, по крайней мере судя по поставленным задачам, цель работы куда намного шире и значимее, чем сформулировано в диссертации.

Структура работы, к сожалению, небезупречна, не всегда согласуется с текстом диссертации. Так, согласно § 1 гл. I разд. I, исходя из его названия, *зарождение и нормативное воплощение* идеи уголовно-правового противодействия относится к X в., тогда как в положении 6, вынесенном на защиту, утверждается, что в XIV–XVII вв. лишь *складывались условия* для институционализации предписаний о множественности.

Раздел II называется «Состояние и перспективы развития института множественности преступлений». В этом случае, § 2 «Институт множественности преступлений в системе современного российского уголовного права» гл. II разд. I, по сути, посвященный состоянию рассматриваемого института в действующем законодательстве и уголовно-правовой теории, находится не на месте (кстати сказать, понятие множественности «оторвано» от указанного параграфа и дается в § 2 гл. III). С другой стороны, все параграфы разд. 2, кроме § 1 гл. 4 не корреспондируются с названием раздела. Наиболее отчетливо это видно на примере § 2 «Актуальные проблемы квалификации множественности преступлений» (гл. IV), не имеющего отношения ни к состоянию, ни к перспективам развития данного института по определению.

Кроме того, методически спорным является выделение самостоятельного параграфа о перспективах «совершенствования уголовного закона в части противодействия множественности преступлений». Это привело к повтору ранее изложенного материала: взглядов дореволюционных ученых по проблемам повторения преступлений, ряду проблем современности и их оценке учеными и т.д. А взгляды об эндогенных и экзогенных преступниках повторяются чуть ли не дословно (стр. 112, 191 дис.).

Научная новизна диссертации находит отражение в ряде моментов, в том числе в новой парадигме множественности преступлений, предложенной автором (ведущей организацией она не разделяется). Кроме того, рассмотрены основания выделения института множественности преступлений, статистические, социальные и криминологические ее аспекты, проанализированы специальные принципы, представлено авторское видение развития данного института и др.

В качестве новизны диссертационной работы указано, что диссертантом «определены исходные установки общественного правосознания, формировавшие содержание норм обычного права в части либеральной оценки множественности преступной деятельности» (стр. 10 дис.). Оставляя в стороне редакционную погрешность, отметим: во-первых, этого в диссертации вообще нет; во-вторых, как это можно сделать в принципе, если речь идет о нормах обычного права, а следовательно, о правосознании лиц, живших в прошлые века?

В концентрированном виде научная новизна диссертации представлена в положениях, вынесенных на защиту. Во многом они естественно отражают позиции автора, признающей множественностью совершение лицом нескольких преступлений, когда возникает необходимость определить размер и порядок отбывания наказаний, назначенных за каждое из них (заметим: во-первых, порядок отбывания определяется не по каждому из наказаний, а по окончательному наказанию (ст. 308 УПК РФ), во-вторых, делается не всегда, например при условном осуждении). В связи с этим диссертант выделяет три вида множественности: 1) лицо совершает несколько преступлений и привлекается к ответственности сразу за все деяния; 2) после вынесения приговора становится известным о совершении им до этого одного или нескольких преступлений; 3) после вынесения приговора лицо совершает одно или несколько новых преступлений.

Следует заметить, что в проекте ст. 18³ «Виды множественности» (стр. 346 дис.) выделяются два вида множественности; в частности, указанный выше вид под № 2, вероятно, не признается в качестве самостоятельного.

Каждое из совершенных двух или более деяний, по мнению автора, должно: содержать самостоятельный состав преступления; сохранять наличие как минимум двух параллельно развивающихся уголовно-правовых отношений; при одновременном совершении деяния не связаны функциональной или причинной связью, не отражают единство намерений, не являются типичным, устойчивым и распространенным сочетанием, не сопровождаются увеличением общественной опасности всего содеянного; второе преступление совершается при наличии неисполненного (не полностью исполненного) наказания за первое преступление; до осуждения совершается несколько преступлений, что порождает потребность в определении итогового наказания, подлежащего отбыванию. По нашему мнению, указанные критерии неоднозначны, противоречивы (например, совершение преступления при не исполненном наказании разве не требует определения окончательного наказания?).

Все остальные ситуации, помимо характеризующихся указанными критериями (например, совершение преступления лицом, отбывшим наказание, но имеющим судимость), не предполагают решения вопроса об итоговом наказании, а требуют лишь оценки личности виновного, склонной к совершению нескольких преступлений. Следовательно, как полагает диссертант, они не могут относиться к институту множественности.

По мнению автора, в Уголовном кодексе множественность преступлений представлена двумя группами предписаний: первая группа объединяет нормы о назначении наказания, образуя субинститут института назначения наказания; вторая – нормы о понятии и видах множественности, формируя институт уголовного права. (Следует заметить, что Г.С. Досаева сама в работе неоднократно указывает на отсутствие легального понятия множественности преступлений; см. также положение 10, вынесенное на защиту.) В своей

совокупности (при вторичной перегруппировке указанных предписаний) они могут рассматриваться в качестве комплексного института множественности преступлений.

В работе выделены принципы института множественности. К ним диссертант относит: 1) самостоятельность оснований (по УК РФ – основание одно. – *А. Ч.*) ответственности при любом количестве совершенных преступлений; 2) не обязательное, а лишь возможное усиление репрессивности уголовного закона при совершении нескольких преступлений; 3) дифференциация ответственности за множество преступлений; 4) соблюдение разумного баланса в оценке опасности деяния и личности преступника при дифференциации ответственности «за множественную преступную деятельность»; 5) приоритет поглощения наказаний «при их определении за множественность перед сложением, а также приоритет частичного сложения наказаний перед полным сложением».

Автором разработан ряд предложений по изменению и дополнению Уголовного кодекса РФ. На наш взгляд, заслуживают поддержки, в частности, предложения об исключении из УК РФ ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 204², ч. 2 ст. 291² УК РФ (т.е. признание судимости лица в качестве квалифицирующего обстоятельства).

В целом оценивая работу положительно, считаем необходимым обратить внимание диссертанта на проблемы, в разрешении которых, на наш взгляд, имеются недостатки и противоречия, либо на неубедительную позицию автора по ряду высказанных предложений.

1. Одна треть диссертации посвящена историко-правовому анализу становления и развития института множественности преступлений в российском уголовном праве. Однако представленный материал практически общеизвестен, встречается в ряде исследований современных авторов. Вниманию читателя представлены акты, которые традиционно используются при обращении к истории какого-либо уголовно-правового вопроса. Кроме того, вызывает недоумение периодизация дореволюционного законодательства: до

Свода законов Российской империи и после него. Научный аппарат также представлен дореволюционными учебниками и в мизерном количестве – работами современных ученых. Практически не использована юридическая периодическая печать XIX – начала XX вв.

Между тем обращение к ряду менее известных документов обогатило бы работу. Например, целесообразно было проанализировать Судебник 1589 г. (Судебник черносошного Севера), позволяющий, в частности, выявить изменение норм общерусского права под влиянием так называемого обычного права. Представляют интерес Астраханский армянский судебник 1765 г (Судебник астраханских армян), Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г. (содержит специальный раздел, посвященный волостному суду и его подсудности, назначению наказания. – См. работы В.В. Кандинского). Не рассмотрены законодательство Временного правительства, Советское уголовное уложение 1918 г (7-е отделение содержит нормы, регламентирующие усиление наказания при наличии множественности преступлений).

2. Автор предлагает исключить из УК РФ ст. 18 (стр. 345 дис.). Как пишет диссертант, рецидив не увеличивает опасность совершенного преступления, но является убедительным свидетельством возрастания общественной опасности лица, совершающего несколько преступлений. Виды рецидива утратили значение обстоятельств, дифференцирующих наказание; в основе оценки содеянного при рецидиве гораздо большее значение стало уделяться данным о личности виновного, нежели собственно рецидивному преступлению (стр. 241, 242 дис.). В связи с этим предлагается УК РФ дополнить гл. 10¹ «Рецидивист», состоящую из 3-х статей. В проекте ст. 74¹ УК РФ формулируется понятие рецидивиста: «Рецидивистом по приговору суда может быть признано лицо, которое, имея судимость за ранее совершенное преступление, вновь совершает такое же умышленное преступление».

Это предложение нам представляется недостаточно убедительным. Во-первых, очевиден логический огрех: рецидива нет, а рецидивист есть (в

настоящее время обратная ситуация: в законе есть рецидив, но нет рецидивиста, но это более приемлемо). Во-вторых, выделение в УК РСФСР рецидивиста в литературе подвергалось, на наш взгляд, обоснованной критике. В-третьих, определение рецидивиста не отвечает требованиям, предъявляемым к дефинициям. Обратим внимание только на два момента. Как уже указывалось, рецидив автором не признается множественностью преступления, но зато к последней диссертант относит совершение нового преступления лицом, не отбывшим наказание, назначенное за ранее совершенное преступление. В этом случае лицо также считается судимым, так как судимость возникает с момента вступления в приговора в законную силу. Таким образом, рецидивист, имея судимость, совершает новое преступление, не характеризующее множественность, а лицо, также имея судимость в период отбывания наказания, совершает новое преступление, которое относится к множественности. Использование одного и того же признака для характеристики разных правовых явлений нарушает правила законодательной техники, ведет к смешению определяемых понятий.

В предлагаемой дефиниции говорится о «таком же умышленном преступлении». Эта фраза является неопределенной. В данном случае непонятно: словосочетание относится к умышленной вине совершенного деяния или в целом к преступлению. Но если имеется в виду последнее, то в теории и законодательстве используются апробированные годами термины «тождественные» и «однородные» преступления.

Кроме того, в отличие от рецидива проект нормы о рецидивисте не выделяет его виды (рецидивист, опасный рецидивист, особо опасный рецидивист), что, по сути, не позволяет дифференцировать личность виновного в зависимости от глубины ее социальной деформации, аберрированности.

Отмена признания рецидивистом возлагает на какой-то орган (скорее всего суд; в проекте он не указан) дополнительную нагрузку по осуществлению этого безусловного действия, сформулированного в проекте как импера-

тив, при его реализации нужно лишь одно из условий: погашение или снятие судимости.

3. В проект гл. 3¹ УК РФ включена норма (ст. 18²), характеризующая обстоятельства, исключающая множественность деяния. В их перечне почему-то отсутствует указание на декриминализацию преступления. Неточно изложено обстоятельство, связанное с действием уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации. Автор говорит о приговоре иностранного государства, тогда как УК РФ формулирует это обстоятельство точнее: наличие/отсутствие *решения* суда иностранного государства.

4. Трудно согласиться с диссертантом в том, что: 1) в составах с административной или дисциплинарной преюдицией имеет место множественность преступлений (в качестве примера приводятся ст. 79, 118 УК РСФСР 1922 г.) (стр. 100 дис.); 2) если отдельные деяния лица по характеру и степени общественной опасности находятся на уровне опасности административного проступка, то у законодателя есть потенциальная возможность интегрировать их в один состав преступления (стр. 215 дис.); 3) при наличии у лица судимости законодатель перенес «центр тяжести в оценке рассматриваемых ситуаций с личности виновного на второе из совершенных деяний», «второе преступление признается более опасным, нежели преступление, совершенное лицом, не обладающим этим статусом» (стр. 225, 238 дис.). Судимость встречается в трех случаях: при рецидиве, при назначении наказания по совокупности приговоров и при ее признании квалифицирующим признаком. И ни в одном из них нет того, о чем пишет диссертант; 4) в предмет доказывания по уголовному делу надо включать обстоятельства, связанные с предшествующим осуждением обвиняемого (стр. 245 дис.). В соответствии со ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

5. К сожалению, текст работы плохо отредактирован, встречается использование недействующих кодексов (например, УК Казахстана), искажение фамилий ученых и т.д.

Автореферат соответствует диссертации и отражает ее основные положения.

Работа прошла необходимую апробацию; результаты исследования опубликованы в 44 публикациях (в том числе 19 статей изданы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ).

Вывод: диссертация Глеры Сулеймановны Досаевой на тему «Уголовно-правовой институт множественности преступлений» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, отвечает требованиям п. 9–11, 13 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 02.08.2016 № 748), соответствует специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, а ее автор, Г.С. Досаева, заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук.

Отзыв подготовлен доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) А.И. Чучаевым, обсужден на заседании кафедры 20 апреля 2017 г (протокол № 14).

И.о. заведующего кафедрой уголовного права

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук

Ю.В. Грачева

Грачева Юлия Викторовна, доктор юридических наук, научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное

право, профессор, и.о. заведующего кафедрой уголовного права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); почтовый адрес 125 993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, тел. 8499244 8888 – 8835; электронная почта – ugolovnoepravomgua@yandex.ru

Чучаев Александр Иванович, доктор юридических наук, научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); почтовый адрес 125 993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, тел. 8499244 8888 – 8835; электронная почта – ugolovnoepravomgua@yandex.ru

ПОДПИСЬ

З А

Начальник отдела

Управления кадров

«24» 04

